При использовании материалов статьи необходимо использовать данную ссылку:
Салихов Б.В. Проблемы формирования инновационного качества производственного сектора российской экономики // Информационно-экономические аспекты стандартизации и технического регулирования. 2021. № 2 (60). С. 145-156

УДК 330.3

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО КАЧЕСТВА ПРОИЗВОДСТВЕННОГО СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Салихов Б.В.

Статья посвящена обоснованию императива и выявлению путей формирования инновационного качества производственного сектора современной отечественной экономики. Общий подход к проблеме основывается на метафизике безальтернативного приоритета ноосферных инноваций, выступающих как «система проекта» и нацеливающих на радикальную ревизию существующих релевантных концептов. Кроме того, методологическая парадигма исследования основана на использовании креативного потенциала логико-гносеологического анализа при междисциплинарном подходе к рассмотрению ключевых аспектов предметного поля в сфере изучения производственных инноваций. Научная новизна выводов и умозаключений проведенного исследования заключается, во-первых, в конкретизации императива качественного обновления производственного сектора отечественного хозяйства при одновременном возврате его высокого репутационного статуса. Наряду с этим, во-вторых, предлагается новая когнитивная структура производства с безусловным приоритетом системы отраслей воспроизводства неявного знания как специфического общественного блага и фундаментальной основы креативной формы человеческого капитала. В-третьих, обосновывается вывод о том, что отечественная оборонная промышленность уже не может быть основным драйвером качественного обновления технологического потенциала и роста производительности труда, в силу нарастающей деструкции собственного вещественного капитала. Научно-практическое значение статьи заключается в возможности использования ее ключевых положений для «сдвига парадигмы» управления в сфере промышленной политики в условиях пандемии и продолжающегося системного кризиса.

Ключевые слова: производственный сектор экономики, ноосферный тип воспроизводства, когнитивная структура производства, экономика неявного знания, технологический потенциал, производительность труда

ВВЕДЕНИЕ

Современное кризисное состояние мировой и отечественной экономики, усиленное пандемией коронавируса, объективно нацеливает исследователей и практиков на качественное обновление, прежде всего, производственного сектора хозяйства как единственного и естественного источника реальных экономических благ, необходимых для решения множества задач общественного развития. Главное заключается в том, что именно пандемия стала системным «хирургическим» фактором, «вскрывшим» ряд накопленных проблем в рамках симулятивной экономики и показавшим отнюдь не радужную перспективу хозяйственной динамики, основанной на парадигме финансиализации с мифической верой во «всесилие» механизма конкурентного рынка [1-5]. Применительно к производственному сектору отечественной экономики, пандемия стала тестом, во-первых, на *структурную и региональную эффективность, прежде всего, промышленности,* которая не самым лучшим

Салихов Борис Варисович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории регионоведения Московского государственного лингвистического университета, SPIN-код: 3045-0730, AuthorID: 428166
Москва

образом продемонстрировала свою мобильность, релевантную требованиям быстрой организации новых производств. Во-вторых, была ясно продемонстрирована не только нежизнеспособность, но и чрезмерный масштаб экономических симулякров (бесполезных секторов хозяйства, или экономики «денег и зрелищ»), что стало самостоятельной проблемой для бюджета и миллионов домохозяйств [6-9]. В-третьих, и это самое главное, сформировался отчетливый императив качественного обновления производственного сектора российской экономики с безусловным приоритетом «отраслей XXI века» при одновременном соответствующем институциональном обеспечении, что должно стать функцией нового качества государственного управления экономикой.

Цель статьи заключается в том, чтобы разработать примерный и предельно общий вектор отраслевой структурной трансформации отечественного производственного сектора экономики, что и может быть квалифицировано как его *инновационное качество.* При этом исходными «ингридиентами» объектного пространства исследования являются явные и неявные кризисные явления в экономике нашей страны. Кризисный «букет» включает, прежде всего, продоложающийся «ментальный крен» от ценностей реального производства не только в сторону рентоориентированного поведения и поиска «плохой» ренты (административной, монопольной, природной и др.), но и в сферу симулятивной экономики, где экономика «хлеба» уже давно уступила место экономике «денег». Ценностно-смысловой кризис, таким образом, является аксиологическим основанием сруктурно-отраслевого и регионально-отраслевого кризиса, где сформировался приоритет производственного «архаичного» сектора «экономики собирательства» (добыча и продажа полезных ископаемых и/или продуктов первичной их переработки). Естественным результатом названного приоритета стали еще, как минимум, два системных кризиса с элементами нарастающей деструкции.

Первое – это критические низкие темпы решения всего комплекса социально-экономических задач, особенно в сфере локализации растущего неравенства и паденния реальных доходов домохозяйств, что уже привело к обострению множества противоречий в обществе и активизации патерналистских настроений [10-12]. Второе положение связано с углубляющимся институциональным кризисом, который все отчетливей фиксирует «правила игры» в сфере поиска «плохой» ренты при одновременном блокировании механизмов актуализации и организации поиска ренты интеллектуальной. Вдобавок здесь институционализируется устойчивость системы масштабных конфликтов интересов в рамках «патрон-клиентских» взаимодействий государства и крупного бизнеса при одновременном блокировании перспектив развития малого и среднего предпринимательства, что, по сути, фиксирует институциональный кризис в отечественном хозяйстве [13-15].

Резонно предположить, что в современной российской экономике возник и функционирует специфический «структурно-институциональный акселератор» уже не столько механизма торможения, сколько системной деструкции как такового социально-экономического развития. В связи с этим, заявленная правительством задача вхождения нашей страны к 2024 году «в число пяти крупнейших экономик мира на основе обеспечения темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности» [16, с. 14] носит, мягко говоря, сомнительный характер. Отсюда *гипотезой статьи* является предположение о том, что современный производственный сектор отечественного хозяйства нуждается в качественном обновлении, что предполагает формирование и последующее расширенное воссоздание новых ценностных (именно производственных) смыслов, институтов, технологий, а также растущего перечня форм и элементов вещественного и человеческого (креативно-интеллектуального) капитала.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологический ракурс статьи характеризуется, во-первых, расширительной трактовкой как такового производственного сектора экономики и, во-вторых, «системой проекта» инновационного качества его общей структуры. В первом случае речь идет о понимании производственного сектора, в рамках которого воссоздаются не только традиционные продукты, прежде всего, промышленного и аграрного сектора хозяйства, но и *большой перечень ценностно-смысловых и институицональных благ,* которые ранее считались либо «надстроечными» по отнолшению к «реальной» экономике, либо представлялись элементами некой «инфраструктуры». В связи с этим, именно в теоретико-методологическом плане резонно подчеркнуть, что *ценностно-смысловой кризис* в системе современного производства может и должен быть преодолен в том случае, если соответствующие субъекты экономики

(возможно, экономики неявного знания) смогут воспроизводить ценности, релевантные требованиям прогрессивного развития; здесь необходима четкая фиксация именно ценностно-смыслового сектора общественного воспроизводства. Понимая под любой экономикой, в конечном счете, процесс направленного взаимодействия и использования энергии и знания, весьма вероятно, что интегральным субъектом воссоздания новых (ноосферных, гуманистическом нацеленных, созидательных) ценностей и смыслов является «большое общество», включающее соответствующие неформальные и формальные структуры различного уровня.

Часто фиксируемый исследователями *институциональный кризис* предопределяет необходимость позиционирования собственно институционального производственного сектора, где будет функционировать инновационный институциональный капитал, обладатели которого смогут проявить способности и компетенции институционального предпринимательства. Очевидно, что субъектом успешного решения задач по преодолению институционального кризиса призвано стать «умное государство», воссоздаваемого и контролируемое гражданским обществом. Преодоление институционального кризиса означает создание востребованных и транспарентных «правил игры», способствующих трансформации общенационального пессимизма в одноименный оптимизм с мощной системой хозяйственных, именно созидательных мотиваций. Далее, «архаичная» структура отечественного производства и экономический менталитет поиска «плохой» ренты является основанием *кризиса производства человеческого капитала,* требующего качественного обновления и существенного повышения статуса *масштабного и диверсифицированного сектора производства новых знаний.* Субъектами производства новых знаний в рамках «когнитивного» сектора экономики являются все экономические акторы.

Резонно также выделить *технологический кризис,* представляющий собой существующую и пока не снятую «блокаду» на пути новых наукоемких и прогрессивных технологий практически во всех сферах всего производственного сектора российского хозяйства, включая названные ранее области: ценностно-смысловую, институциональную и когнитивную. Проблема в том, что российская экономика «оказалась в своеобразной ловушке, когда небольшой рост производительности труда обеспечивается либо сокращением работников, либо избыточным повышением капиталоемкости, что в долгосрочной перспективе может обернуться снижением конкурентоспособности» [16, с. 22]. Но суть дела в том, что еще в допандемический период в отечественном производственном секторе начал действовать механизм технологической деструкции, ускоренный санкциями, но имеющий эндогенную природу, связанную с неблагоприятной институциональной средой, системным недоверием (в пространстве всех хозяйственных трансакций) и перманентно растущей неопределенности. «Архаичная» экономика объективно не нуждается ни в новейших технологиях, ни в высокоэффективном человеческом капитале [8, 17, 18].

Необходимо также отметить *собственно структурно-промышленный кризис,* характеризуемый уже отмеченным приоритетом не столько традиционных отраслей промышленного производства, сколько производственными секторами «экономики собирательства» (ресурсодобывающие отрасли). Экономический менталитет поиска «плохой» ренты, а также притягательная «легкость и быстрота» денежных доходов от продажи энергоносителей является главным препятствием на пути смены структурно-отраслевых приоритетов в современной российской промышленности. Резонно отметить, что с учетом *отрицательных инвестиций в «экономику собирательства»,* развитие которой, по сути, означает уничтожение природного капитала, ресурсодобывающие отрасли хозяйства принимают *особую форму экономических симулякров,* характеризуемых не столько бесполезностью для действительного прогрессивного общественного развития, сколько вредностью и бесперспективностью с точки зрения реализации ноосферных императивов совершенствования современного воспроизводства. При этом растущий масштаб релевантных негативных последствий характеризуется тем, что «экономика собирательства» априори и апостериори предопределяет антиноосферную (по сути, антисозидательную) динамику экономико-культурных ценностей, исследовательских парадигм и идеологических концептов, институциональных моделей, а также качественных форм человеческого капитала. Отмеченный «квартет» кризисных явлений в современном отечественном производственном секторе экономике, в своем «фокусе» привел и будет приводить к низким темпам роста производительности труда и, следовательно,

одноименным темпам роста уровня и качества жизни домохозяйств.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ: ОЦЕНКА СОСТОЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВ

Производительность труда является интегральным показателем, характеризующим эффективность производства, и представляет собой объем ВВП, приходящийся на одного работника, что является функцией, прежде всего, качества человеческого капитала, а также уровня и динамики научно-технологических и иных инноваций. Динамика производительности труда в отечественном хозяйстве показана в таблице 1, где отнюдь не просматривается, постоянно декларируемый в обещаниях прроавительства, ее неуклонный рост. При этом было неоднократно заявлено многими исследователями, что для успешного решения социально-экономических, экологических, оборонных и других задач, темпы роста производительности труда должны быть выше, как минимум, в три раза.

Ситуация усугубляется еще и тем обстоятельством, что многократное (3-5 раз) «отставание России от развитых стран по производительности труда, оцененной для нересурсной части экономики, на 33-39% объясняется более низкой капиталовооруженностью труда и на 58-65% более низким уровнем технологий (уровнем многофакторной производительности)» [19, с. 67]. При этом многофакторная производительность (МФП) обычно понимается как разрыв в производительности труда, например, между странами или регионами, не объясняемый различиями в качестве человеческого и вещественного капитала. МФП фиксирует не наличие или объем названных факторов производства, а *эффективность их использования, то есть технологию производства* и в целом уровень технологического развития страны, что является ключевым аспектом исследования производительности труда в разных экономических системах. В частности, разрыв в производительности труда между Россией и США, составляющий 3,7 раза, на 65% объясняется именно более высоким уровнем развития американских промышленных и в целом производственных технологий [19]. При этом социальный «срез» динамики производительности труда фиксируется в так называемой производственной социально-экономической мощности страны, исчисляемой как объем ВВП, приходящийся на душу населения (таблица 2).

Данные таблицы 3 четко фиксируют корреляцию производственной социально-экономической мощности отечественной экономики (ВВП на душу населения страны) с низкими темпами роста производительности общественного труда в отечественной промышленности, особенно в ее обрабатывающем секторе и строительстве (таблица 1). При этом ВВП на душу населения в 2019 и в 2020 гг. существенно ниже, чем даже в кризисных 2008-2009 и 2014-2015 гг. Низкие и даже «угасающие» темпы роста производительности труда, вследствие технологической деструкции современной отечественной экономики, являются естественной причиной падения реальных доходов населения страны в течение последних лет, причем даже в допандемический период. Общие показатели эффективности и инновационности отечественного производства представлены в т таблице 3.

Таблица 1.

Показатели производительности труда в современной отечественной промышленности [Таблица составлена по данным Росстата]

Показатель	**2012**	**2014**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**
Производительность труда (по всей экономике)	103,8	100,8	100,1	102,1	103,1	102,6
Добывающий сектор промышленности	101,5	103,3	101,4	100,8	100,3	101,3
Обрабатывающий сектор промышленности	105,8	102,5	100,4	103,9	103,9	103,1
Строительство	102,4	97,1	101,4	97,3	100,1	96,9

Таблица 2.

Динамика производственной социально-экономической мощности отечественного производственного сектора экономики [Таблица составлена по данным с сайта «Мировой атлас данных» knoema.ru]

Показатели	2009	2010	2012	2014	2016	2017	2018	2019	2020
Темпы роста ВВП (в пост. ценах, в %)	-7,8	4,5	4,0	0,7	0,2	1,8	2,5	1,3	-4,0
Номинальный ВВП (по тек. ценам; трлн. дол.)	1,8	1,6	2,2	2,1	1,3	1,6	1,7	1,7	1,4
ВВП по ППС (трлн. дол.)	12,9	3,0	3,5	3,8	3,5	3,8	4,0	4,1	4,0
ВВП на душу населения (тыс. дол.)	9,1	11,4	15,3	14,0	8,7	10,7	11,3	11,6	9,9

Таблица 3.

Общие показатели эффективности и инновационности отечественного производства [Таблица составлена по данным Росстат]

Параметры	2012	2014	2016	2017	2018	2019
Коэффициент обновления основных фондов (в % к общему объему)	4,8	4,3	4,4	4,3	4,7	4,6
Степень износа основных фондов (в % к общему объему)	47,7	49,4	48,1	47,3	46,6	46,8
Динамика инвестиций в основной капитал (в % к предыдущему году)	106,8	98,8	99,8	104,8	105,4	101,7
Прирост высокопроизводительных рабочих мест (в % к итогу)	12,7	4,5	-4,8	7,1	14,7	5,6
Предприятия (в % к общему числу), осуществляющие инновационную деятельность	10,3	9,9	8,4	8,5	12,8 (новая методи-ка)	9,1 (новая методи-ка)
Доля внутренних затрат (предприятий, фирм) на исследования и разработки	1,03	1,07	1,10	1,11	1,00	1,03
Коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок на 10 тыс. человек населения)	2,00	1,65	1,83	1,55	1,70	1,59
Доля высокотехнологичной и наукоемкой продукции в ВВП	21,0	21,6	21,3	21,8	21,1	21,6

Печально, что «за последние 25 лет, с учетом сложностей трансформационного периода, структурной перестройки экономики и быстрого восстановительного роста по уровню агрегированной производительности труда России не удалось серьезно приблизиться к развитым странам. Отметим и действие ряда внешних шоков: неоднократный спад нефтяных цен, мировой финансовый кризис 2008-2009 гг. и внешние санкции с 2014 г., что оказывало негативное влияние как на макроэкономическую динамику, так и на агрегированную производительность труда» [20, с. 33]. Деструктивная динамика в сфере технологического развития отечественного производственного и, особенно, наукоемкого сектора экономики убедительно подтверждается товарной структурой импорта в нашу страну

(таблица 4), где почти половину составляют машины и оборудование. Очевидно, что в реализации планов импортозамещения не просматривается «широкий фронт» новых производств наукоемкой, именно промышленной продукции. Здесь в основном осуществляются программы в сфере легкой, текстильной, химической и пищевой промышленности, а также в сельском хозяйстве. Отечественное машиностроение находится в состоянии деструкции при высокой доле изношенного оборудования.

Таблица 4.

Товарная структура импорта в Россию в 2020 году (в %) [Таблица составлена по данным Росстат]

Наименование	2020
Импорт – всего, в том числе:	100
Машины, оборудование и транспортные средства	48,4
Продукция химической промышленности	16,7
Металлы и изделия из них	7,7
Текстиль и обувь	7,5
Продукция пищевого производства	3,9
Минеральные продукты	1,8
Древесина и целлюлозно-бумажная продукция	1,6

Исследователи отмечают факторы, сдерживающие ускоренный рост производительности труда в российской экономике [4, 20-22], среди которых падающий спрос на высокоэффективный человеческий капитал, вследствие «архаизации» структуры отечественной экономики и поиска «плохой» ренты; неустойчивость действующей институциональной системы и низкое качество институтов (функция «власти-собственности»), не стимулирующих развитие креативно-интеллектуального капитала и системы интеллектуальной собственности (отсюда – мало новых технологий); отсутствие функциональной промышленной политики государства, нацеленной на качественное обновление производственного аппарата производства (прежде всего, промышленности); технократизм экономической политики государства, где все меньше места планам развития креативно-интеллектуальной формы человеческого капитала. В условиях продолжающегося господства системы поиска «быстрых» и «коротких» денег, в отечественной экономике сложилась антикогнитивная структура: по-прежнему приоритет принадлежит промышленным отраслям «собирательства» (ресурсодобывающий сектор промышленности), а не отраслям создания новых знаний и воспроизводства новых благ (наукоемкий сектор промышленности). И все это происходит в условиях перманентно сокращающегося притока в отечественную экономику прямых иностранных инвестиций, причем в 2020 году их объем был на уровне статистической погрешности (таблица 5).

Таблица 5.

Приток прямых иностранных инвестиций в мире и в России (в % ВВП) [4, с. 25]

	2016	2017	2018	2019	2020
Весь мир	3,47	2,67	1,32	1,77	1,02
Россия	2,55	1,81	0,53	1,88	0,09

В решении задач повышения производительности труда в производственном секторе российской экономики большие надежды взлагались на конверсионные перспективы технико-технологического потенциала оборонно-промышленного комплекса (ОПК) [23, 24]. При этом известно, что оборонный сектор хозяйства основан на деятельности крупных вертикально интегрированных структур, или государственных корпораций (Объединенная авиастроительная корпорация, Объединенная судостроительная корпорация, ГК «Ростехнологии», Объединенная ракетно-космическая корпорация и др.). Здесь примерно 55 крупных интегрированных структур выпускают более 60% всей военной продукции. Внушительные объемы ОПК характеризуются тем, что здесь действуют почти полторы тысячи промышленных предприятий с численностью занятых около 2 млн. человек; ОПК обеспечивает 25% всей продукции и 40% экспорта отечественного машиностроения. Исследователи также отмечают, что в структуре товарной продукции ОПК 45% - товары военного назначения, закупаемые в рамках Государственного Оборонного Заказа; 22% - военный экспорт; 33% - гражданская продукция [23, с. 39].

Между тем, как свидетельствует практика, в том числе и советский период функционирования ОПК, крупные государственные корпорации не являются высокоэффективными производственными структурами, поскольку реализуют «политизированную», а не конкурентную экономическую стратегию (прибыль гарантирует государство). Кроме того, они не инициируют

спрос на высокоэффективные институты и нивелируют систему конкурентных отношений («национализируется» частный сектор экономики). По сути, в ОПК «консервируется» прежний стиль управления, что закономерно порождает самовоспроизводящийся механизм масштабного конфликта интересов (коррупции). Это приводит к «замораживанию» креативных решений и к перманентной технико-технологической отсталости военного производства от соответствующего мирового уровня развития. В таблице 6 показано современное состояние производственного аппарата отечественного ОПК, уже давно не обеспечивающего высокого качества продукции военного назначения. Следовательно, ОПК страны едва ли сможет стать «драйвером» ускоренного обновления отечественной промышленности и системным фактором повышения производительности труда, поскольку не обладает высоким качеством производственного аппарата.

Таблица 6.

Состояние производственного аппарата отечественного ОПК [23, с. 40-41]

Изношенность основных производственных фондов	70%
Доля нового оборудования в общем объеме	20%
Общая загрузка производственных мощностей ОПК	30-40%
Затраты на устранение дефектов в ходе производства, испытания и эксплуатации вооружения и техники	50% (от общей стоимости)
Ежегодный рост числа рекламаций на качество вооружений и военной техники	20-30% (ежегодный прирост)
Доля импортных электронных компонентов на отечественных ракетах и космических аппаратах	65-80%
Импорт металлорежущих станков	100%
Импорт гражданских самолетов	92%

В свете всего сказанно следует отметить, что феномен *инновационного качества производственного сектора отечественной экономики* может характеризоваться как перечень производственных отраслей и сфер, призванных обеспечить такую иерархию и последовательность создания различных благ (ценностей, институтов, неявных технологических знаний, креативно-интеллектуцальной формы человеческого капитала, а также конечных продуктовых инноваций), которая релевантна императивам ноосферного типа воспроизводства при постоянном повышении производительности труда. Следовательно, «система проекта» инновационного качества производственного сектора современной отечественной экономики включает, как минимум, следующие группы отраслей, иерархически расположенных по степени значимости (рисунок 1).

Нетрудно заметить, что в предлагаемой инновационной отраслевой структуре производственного сектора экономики безусловный приоритет принадлежит отраслям расширенного воссоздания человеческого капитала, прогрессивных институтов и ноосферных технологий, причем в рамках, прежде всего, *общественного сектора национального хозяйства,* что существенно актуализирует политэкономический анализ проблемы и нацеливает на императив «производства» государства, соответствующего требованиям создания качественно новых общественных благ, как институциональных, так и неинституциональных. Интегральным «фокусом» решения задачи является *неуклонный рост производительности труда,* или творчески-трудовой деятельности собственников человеческого капитала всех уровней. Данный показатель всегда представляет собой общий функционал воздействия соответствующих условий и факторов, и именно производительность труда, как было показано, является «камнем преткновения» в развитии современного отечественного производственного сектора хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует подчеркнуть, что отечественная промышленность и в целом производственный сектор экономики демонстрируют весьма невысокие темпы роста, а также хронически низкий уровень производительности труда, прежде всего, вследствие воссоздаваемой «архаичной» отраслевой структуры и, как следствие, падающего спроса на креативно-интеллектуальный человеческий капитал. В связи с этим, усиливается приоритет отраслей топливно-энергетического комплекса (ТЭК) и промышленности «собирательства», а не инновационного созидания, что закономерно привело всю экономику страны к почти тотальной зависимости от импорта современного оборудования и продукции наукоемкого машиностроения; это в еще большей степени обусловило системную и ускоренную деструкцию

национального и регионального человеческого капитала.

Рисунок. 1. Проектная (гипотетическая) инновационная отраслевая структура отечественного производственного сектора экономики

Общая деструкция отечественного машиностроения весьма негативно отразилась на отраслях оборонно-промышленного комплекса (ОПК), в котором промышленно-производственный аппарат (оборудование) уже давно является изношенным, а требуемого обновления не происходит, в том числе, из-за санкций и невозможности успешно реализовать программы по импортозамещению. Основанные на устаревшей технико-технологической основе, планы импортозамещения могут иметь некоторый успех только в отраслях легкой и пищевой промышленности, но не в сфере наукоемкого, судьбоносного для страны, сектора национального и регионального хозяйства. Совершенно очевидной является проблема модернизации (реиндустриализации) отечественной промышленности и ОПК при широком использования цифровых и других наукоемких технологий. Иного пути повышения производительности труда не существует.

Глубинной причиной деструкции российской промышленности является хронически низкое качество институционального капитала, что непосредственно определяется следствием «узкого горизонта» видения перспектив и экономической стратегии элиты, действующей в рамках бюрократической и самовоспроизводящейся системы власти-собственности. Аксиоматично, «что при «плохих» политических институтах рост рано или поздно заканчивается … Причина все та же: отсутствие «хороших» политических институтов делает права собственности на идеи недостаточно защищенными, а это из-за отсутствия необходимых стимулов препятствует возникновению прорывных инноваций на фронтире технологического прогресса» [25, с. 136]. Вывод прост и прозрачен: для развития отечественного производственного сектора экономики и, следовательно, для ускоренного роста производительности труда критическое значение имеют конституирование (новые «правила о правилах») и системная защита (новые «правила игры») прав собственности, особенно в сфере малого и среднего бизнеса как

источника и, одновременно, драйвера инновационных технологий.

Очевидно, что пандемия коронавируса актуализировала, прежде всего, императив масштабной институциональной трансформации в современном отечественном производственном секторе экономики. При этом *эффективность государства* должна быть существенно повышена, как минимум, в двух направлениях развития общественного сектора хозяйства: во-первых, в сфере *институционального предпринимательства,* призванного реально обеспечить новое качество мотивационного капитала («жизнерадостность» предпринимателей по Дж. Кейнсу) в сфере малого и среднего бизнеса; во-вторых, в условиях масштабного спада производства, в том числе и вследствие пандемического локдауна, именно государство *само должно стать «инвестором последней инстанции»* [4, с. 22]. Резонно констатировать, что существенная активизация формальных, именно государственных институтов (так называемый «панинституционализм») становится одним из факторов долгосрочного действия, поскольку мировая и национальные экономики вступают в длительную полосу действия экзогенных неблагоприятных условий хозяйственного развития.

В этой ситуации может весьма отчетливо обозначиться политэкономический трансфер от установок классического либерализма в сторону «большого правительства» [26, с. 122], или к государству, в котором будет обнаруживаться главный агент современных, в том числе «шумпетерианских» по своему качеству, институциональных и, далее, в целом воспроизводственных изменений. Одновременно с этим, и с точки зрения инновационных форм международного сотрудничества, наиболее продуктивным представляется путь развития, где может быть сформирована «инклюзивная глобализация, основанная на сотрудничестве между странами с социальной рыночной экономикой, которую в постпандемическом мире следует выстроить всем странам, разумеется, с учетом их культурных особенностей. Это также потребует соответствующей синергии рыночных сил и государственной политики, а также нового стиля международной координации» [3, с. 41].

Резонно констатировать, что в современных условиях развития отечественного производственного сектора экономики исследовательский и научно-практический *центр тяжести* должен быть смещен в сторону *нового прагматизма,* представляющего собой новую целостность культурологии (созидательные ценности и смыслы), политологии и кратологии (новое видение государства как источника правовой власти и релевантного институционального капитала), экономической теории (безусловный приоритет сектору экономики воспроизводства прогрессивного неявного знания). Этот новый прагматизм может быть неким *органическим синтезом* новой антропологии, политологии, экономической теории и практической экономической политики, нацеленной на обеспечение инклюзивного роста и устойчивого хозяйственного развития. Возможно, что наиболее релевантной социально-политической системой здесь будет специфическая «нелиберальная демократия» при актуализации *концепции коллаборативной демократии* [5], позволяющей всем гражданам принимать активное участие в принятии политических решений (с помощью, прежде всего, цифровых платформ) на основе широкого сотрудничества, совместного поиска высокоэффективных консенсусных решений с использованием экспертных оценок. Для нашей страны такой путь может быть вполне приемлемым и весьма функциональным, если правящий класс осознает его безальтернативность в условиях грядущих глобальных, национальных и региональных социально-экономических проблем. iea

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бузгалин А.В. Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-142.
2. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000-2016 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 29-53.
3. Колодко Гж. В. Последствия. Экономика и политика в постпандемическом мире // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 25-45.
4. Мау В.А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 5-31.
5. Полтерович В.М. Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия // Вопросы экономики. 2021 № 1. С. 52-73.
6. Лавровский Б.Л., Горюшкина Е.А. Бюджетный федерализм в России: быть или не быть? // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 143-160.
7. Полбин А.В., Синельников-Мурылев С.Г., Трунин П.В. Экономический кризис 2020 г.: причины и меры по его преодолению и

дальнейшему развитию России // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 5-22.
8. Салихов Б.В., Салихова И.С. Качество знаний и компетенций в зеркале структурных реформ российской экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 10 (343). С. 68-84.
9. Симачев Ю.В., Кузык М.Г. Государственная поддержка предприятий: бенефициары и эффекты // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 63-84.
10. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблемы стадий развития // Вопросы экономики. 2018. № 7. С. 5-30.
11. Золотов А.В., Припузова Е.Н. Воспроизводство социальных норм в России // Вопросы экономики. 2020. № 7. С. 127-142.
12. Малева Т.М., Гришина Е.Е., Бурдяк А.Я. Хроническая бедность: что влияет на ее масштабы и остроту? // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 24-41.
13. Кочнев Р.Ю., Полищук Л.И., Рубин А.Ю. Коррупция «одного окна»: теория и эмпирический анализ // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 32-52.
14. Левин М., Сатаров Г. Рентоориентированная Россия // Вопросы экономики. 2014. № 1. С. 61–78.
15. Логинов Д.М. Как российское население пережило кризис второй половины 2010-х годов // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 41-62.
16. Медведев Д.А. Россия-2024: Стратегия социально-экономического развития // Вопросы экономики. 2018. № 10. С. 5-29.
17. Гимпельсон В. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016. № 10. С. 129-144.
18. Дробышевский С.М., Идрисов Г.И., Каукин А.С., Павлов П.Н., Синельников-Мурылев С.Г. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007-2017 гг. и прогноз на 2018-2020 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 5-32.
19. Зайцев А.А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики. 2016. № 9. С. 67-93.
20. Симачев Ю.В., Кузык М.Г., Федюнина А.А., Зайцев А.А., Юревич М.А. Производительность труда в несырьевых секторах российской экономики: факторы роста на уровне компаний // Вопросы экономики. 2021. № 3. С. 31-68.
21. Драпкин И.М., Лукьянов С.А., Бокова А.А. Влияние прямых иностранных инвестиций на внутренние инвестиции в российской экономике // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 69-86.
22. Замараев Б.А., Маршова Т.Н. Эффективность инвестиционного процесса воспроизводства // Вопросы экономики. 2020. № 5. С. 45-69.
23. Балашов А.И., Мартьянова Я.В. Реиндустриализация российской экономики и развитие оборонно-промышленного комплекса // Вопросы экономики. 2015. № 9. С. 31-44.
24. Фальцман В.К. Импортозамещение в ТЭК и ОПК // Вопросы экономики. 2015. № 1. С. 112-124.
25. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть I // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 136.
26. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть II // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 122.

PROBLEMS OF FORMATION OF INNOVATIVE QUALITY OF THE PRODUCTION SECTOR OF THE RUSSIAN ECONOMY

Salikhov Boris Varisovich, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Theory of Regional Studies, Moscow State Linguistic University, SPIN-код: 3045-0730, AuthorID: 428166, Moscow

The article is devoted to substantiating the imperative and identifying ways to form the innovative quality of the production sector of the modern domestic economy. The general approach to the problem is based on the metaphysics of the uncontested priority of noospheric innovations, acting as a "project system" and aiming at a radical revision of existing relevant concepts. In addition, the methodological paradigm of the study is based on the use of the creative potential of logical and epistemological analysis in an interdisciplinary approach to considering the key aspects of the subject field in the study of industrial innovations. The scientific novelty of the findings and conclusions of the study is, firstly, in concretizing the imperative of a qualitative renewal of the production sector of the domestic economy while simultaneously returning its high reputation status. Along with

this, secondly, a new cognitive structure of production is proposed with the unconditional priority of the system of branches of reproduction of implicit knowledge as a specific public good and the fundamental basis of the creative form of human capital. Thirdly, the conclusion is substantiated that the domestic defense industry can no longer be the main driver of a qualitative renewal of technological potential and an increase in labor productivity, due to the growing destruction of its own material capital. The scientific and practical significance of the article lies in the possibility of using its key provisions for a "paradigm shift" of management in the field of industrial policy in the context of a pandemic and an ongoing systemic crisis.

Keywords: production sector of the economy, noospheric type of reproduction, cognitive structure of production, economy of tacit knowledge, technological potential, labor productivity.

REFERENCES:

1. Buzgalin A.V. Zakat neoliberalizma (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya Karla Marksa) [*The decline of neoliberalism (to the 200th anniversary of the birth of Karl Marx)*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2018. № 2. pp. 122-142.
2. Grigor'ev L.M., Pavlyushina V.A. Social'noe neravenstvo v mire: tendencii 2000-2016 gg. [*Social inequality in the world: trends 2000-2016*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2018. № 10. pp. 29-53.
3. Kolodko Gzh. V. Posledstviya. Ekonomika i politika v postpandemicheskom mire [*Consequences. Economics and politics in the post-pandemic world*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. № 5. pp. 25-45.
4. Mau V.A. Pandemiya koronavirusa i trendy ekonomicheskoj politiki [*Pandemic coronavirus and trends in economic policy*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2021. № 3. pp. 5-31.
5. Polterovich V.M. Krizis institutov politicheskoj konkurencii, internet i kollaborativnaya demokratiya [*The crisis of institutions of political competition, the Internet and collaborative democracy*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2021 № 1. pp. 52-73.
6. Lavrovskij B.L., Goryushkina E.A. Byudzhetnyj federalizm v Rossii: byt' ili ne byt'? [*Fiscal federalism in Russia: to be or not to be?*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2021. № 1. pp. 143-160.
7. Polbin A.V., Sinel'nikov-Murylev S.G., Trunin P.V. Ekonomicheskij krizis 2020 g.: prichiny i mery po ego preodoleniyu i dal'nejshemu razvitiyu Rossii [*Economic crisis of 2020: causes and measures to overcome it and further development of Russia*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. № 6. pp. 5-22.
8. Salihov B.V., Salihova I.S. Kachestvo znanij i kompetencij v zerkale strukturnyh reform rossijskoj ekonomiki [*The quality of knowledge and competencies in the mirror of structural reforms of the Russian economy*] // Nacional'nye interesy: prioritety i bezopasnost' [*National interests: priorities and security*]. 2016. № 10 (343). pp. 68-84.
9. Simachev YU.V., Kuzyk M.G. Gosudarstvennaya podderzhka predpriyatij: beneficiary i effekty [*State support of enterprises: beneficiaries and effects*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. № 3. pp. 63-84.
10. Grigor'ev L.M., Pavlyushina V.A. Mezhstranovoe neravenstvo: dinamika i problemy stadij razvitiya [*Cross-Country Inequality: Dynamics and Problems of Development Stages*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2018. № 7. pp. 5-30.
11. Zolotov A.V., Pripuzova E.N. Vosproizvodstvo social'nyh norm v Rossii [*Reproduction of social norms in Russia*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. № 7. pp. 127-142.
12. Maleva T.M., Grishina E.E., Burdyak A.YA. Hronicheskaya bednost': chto vliyaet na ee masshtaby i ostrotu? [*Chronic poverty: what influences its scale and severity?*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. № 12. pp. 24-41.
13. Kochnev R.YU., Polishchuk L.I., Rubin A.YU. Korrupciya «odnogo okna»: teoriya i empiricheskij analiz [*Corruption of "one window": theory and empirical analysis*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2018. № 9. pp. 32-52.
14. Levin M., Satarov G. Rentoorientirovannaya Rossiya [*Rent-oriented Russia*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2014. № 1. pp. 61–78.
15. Loginov D.M. Kak rossijskoe naselenie perezhilo krizis vtoroj poloviny 2010-h godov [*How the Russian population survived the crisis in the second half of the 2010s*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. № 12. pp. 41-62.
16. Medvedev D.A. Rossiya-2024: Strategiya social'no-ekonomicheskogo razvitiya [*Russia-2024: Strategy of Socio-Economic Development*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2018. № 10. pp. 5-29.
17. Gimpel'son V. Nuzhen li rossijskoj ekonomike chelovecheskij kapital? Desyat' somnenij [*Does the Russian economy need human capital? Ten doubts*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2016. № 10. pp. 129-144.

18. Drobyshevskij S.M., Idrisov G.I., Kaukin A.S., Pavlov P.N., Sinel'nikov-Murylev S.G. Dekompoziciya tempov rosta rossijskoj ekonomiki v 2007-2017 gg. i prognoz na 2018-2020 gg. [*Decomposition of the growth rates of the Russian economy in 2007-2017 and forecast for 2018-2020.*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2018. № 9. pp. 5-32.
19. Zajcev A.A. Mezhstranovye razlichiya v proizvoditel'nosti truda: rol' kapitala, urovnya tekhnologij i prirodnoj renty [*Cross-country differences in labor productivity: the role of capital, the level of technology and natural rent*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2016. № 9. pp. 67-93.
20. Simachev YU.V., Kuzyk M.G., Fedyunina A.A., Zajcev A.A., YUrevich M.A. Proizvoditel'nost' truda v nesyr'evyh sektorah rossijskoj ekonomiki: faktory rosta na urovne kompanij [*Labor productivity in non-resource sectors of the Russian economy: growth factors at the level of companies*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2021. № 3. pp. 31-68.
21. Drapkin I.M., Luk'yanov S.A., Bokova A.A. Vliyanie pryamyh inostrannyh investicij na vnutrennie investicii v rossijskoj ekonomike [*The influence of foreign direct investment on domestic investment in the Russian economy*] // Voprosy ekonomiki. [*Economic Issues*] 2020. № 5. pp. 69-86.
22. Zamaraev B.A., Marshova T.N. Effektivnost' investicionnogo processa vosproizvodstva [*The effectiveness of the investment process of reproduction*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2020. № 5. pp. 45-69.
23. Balashov A.I., Mart'yanova YA.V. Reindustrializaciya rossijskoj ekonomiki i razvitie oboronno-promyshlennogo kompleksa [*Reindustrialization of the Russian economy and the development of the military-industrial complex*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2015. № 9. pp. 31-44.
24. Fal'cman V.K. Importozameshchenie v TEK i OPK [*Import substitution in the fuel and energy complex and the defense industry*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2015. № 1. pp. 112-124.
25. Kapelyushnikov R.I. Contra paninstitucionalizm. CHast' I [*Contra paninstitutionalism. Part I*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2019. № 7. Pp. 136.
26. Kapelyushnikov R.I. Contra paninstitucionalizm. CHast' II [*Contra paninstitutionalism. Part II*] // Voprosy ekonomiki [*Economic Issues*]. 2019. № 8. pp. 122.